

Поэзия

АЛЛА ИВАШИНЦОВА
поэтесса и художница

В 2005 году вышла первая книга ее стихов «В этих снегах». Постоянная участница международного фестиваля искусств «Сергей Осколков и его друзья». Картины и коллажи экспонировались на ряде выставок в Петербурге. На ее стихи композитором Раисой Мурзиной написан музыкальный цикл «Жемчуг со дна». Студией “SoHm Soundstudio”, “Acoustic Line” **выпущен диск под аналогичным названием**. Готовится к выпуску новая книга стихов «Семистишие», включающая кроме самих стихов, репродукции картин и два диска: «Музыкально-поэтические медитации. Пространство души» и цикл песен в авторском исполнении актрисы «Театра на Васильевском» Елены Мартыненко.

«Самосознание отделяет человека от жизненного мира и от себя самого. Все более трагично звучит вопрос: Кто я? Зачем я? Вопрос классический. Вопрос о смысле жизни. И все менее остается надежды получить ответ на этот вопрос...

Животные воспринимают реальное без навязанной технологической цивилизацией цензуры.

Животное может жить в чистом мгновении».

Татьяна Горичева
«Молчание животных»

ПСКОВСКИЙ БЕСИАРИЙ

Коровы, тёлки, пастухи,
луга, забывшие стада.

Охаянная коровья мудрость.

И не кормилица,
и не домашний оберег,
и тот, единственный,
сорвав кольцо,
не мчится по дороге.

В свирельной памяти
я подойду к реке,
напившись облаков кудлатых,
заставлю детство вспомнить всех
мычанием протяжным.

Понять бы вой,
несущийся из леса.

Нет горечи непознанного мира
и не от голода отчаянные крики.

Луна блестящим шаром катится во тьме,
зовёт ли памятью далёких предков
иль берedit волнение в крови?
Была бы я волчицей серой,
инстинктом заполняя сердце,
капкана ужас обходя,
подняв глаза, ушами прядая,
ловя небесных струй
неясное движение,
касясь ноздрями летящих волн,

музыкой — что любви лишь уступает,
заполнила б молчащее сознание.

А если б я была зайчихой,
чихала бы на все несчастья.

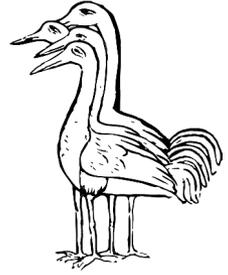
Отпрыгнув в сторону,
несясь вперёд,
не слыша сердца стук,
зигзаг — мой путь.
Перебирая лапами пути разметку,
почти летя через поля
до видимого леса,
собрав себя в комок,
назад по диагонали,
зароюсь в снег, замру, затихну.

Летящий штрих ноздрей,
несправедливости волнение.

Покой — как редкостное наслаждение.

Разнежившись
 с колен стекает кошка,
 в косые тени, стерегушие пространства.

На липе аист ангельски топорщит крылья
 на демонов, на дьяволов,
 на тёмные предчувствия ночи,
 куда уходит зверь пушистый,
 зрачки сужая, вытягивая тело,
 с хвоста сгоняя лень, уют тепла,
 родство с домашней утварью,
 и тварью хищной
 живую плоть терзает.

Жабий жребий прост
 и в замирании не весел.

Фурфыря бородавки,
 придерживая каменные веки,
 пронзительно глядя из глубины веков,
 на почве распластавшись,
 молниеносным выбросом
 в изыске тонком языка
 порхающим и легковесным
 липучесть низменную
 ехидно преподносит.

Безногое гибкое тело
 скрутится в кольца,
 как вокруг головы
 коса девицы,
 мечтающей соблазниться.
 Менять стареющую кожу, но не натуру.

Напрягшись,
 из переживаний прежних,
 не защищенная,
 с незримой нежностью,

сгрызая
чешую с хвоста,
я понимаю вечности
закрытость.

Гордыня, роскошь, искушение,
жара, веселье, ненасытность —
всё это для кого-то, который где-то,
влекущий, как золотой телец.

А я же Медузина —
и не змея, не рыба.
На голове корона,
а чрево так зверино,
округлая хвостина,
в драконовских извивах
и в блёстках чешуя.
На холоде водицы
с слезами серебра,
на тайне знания,
боясь огня,
гадаю, вопрошая:
«Где смысл, где причина?»

И не сплелись две нити,
и не понять Творца.

Деревня Дуброшкино 2006 г.

